

ТЕОРИЯ ИЗБЫТОЧНОСТИ ИСТИНЫ

Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ (грант МД-1685.2010.6 и грант НШ-5887.2008.6 на поддержку ведущей научной школы «Томская онтологическая школа»), а также в рамках государственного контракта на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд по федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России, мероприятие 1.1.

Проект «Онтология в современной философии языка».

Дается экспликация логико-эпистемологических оснований одной из разновидностей алетического дефляционизма – теории избыточности истины, согласно которой истинностный предикат не играет существенной логической роли. Демонстрируется, что проблематично придерживаться теории избыточности и вместе с тем утверждать, что благодаря анализу утверждений мы способны успешно решать вопрос об их истинности.

Ключевые слова: теория; избыточность; истина; дефляционизм.

Совокупность представлений, согласно которым не существует особого свойства истины, а предикат «истинно» не играет существенной логической роли, сегодня принято называть теорией избыточности истины (redundancy theory of truth), которая, в свою очередь, признается разновидностью дефляционной теории (deflationary theory). Согласно последней «истинность» не является подлинным предикатом утверждений, это лишь формально-логическое средство, не имеющее какого-либо реального содержания. Кроме того, с точки зрения дефляционизма, не может быть дано никакого метафизически исчерпывающего определения истины, вроде того, что дается в корреспондентной, когерентной и других теориях.

Готлоб Фреге в работе «Смысл и значение» (1892), видимо, первым указывает на некоторую избыточность истинностного предиката: «<...> можно сказать: “Та мысль, что 5 – простое число, истинно”. Однако если присмотреться повнимательнее, то становится очевидным, что мы не сказали ничего сверх того, что уже сказано в простом предложении “5 – простое число”» [1. С. 33]. Всякое повествовательное предложение, с точки зрения Фреге, содержит определенную мысль (Gedanke), под которой он понимает не субъективную деятельность мышления, а его объективное содержание, способное быть достоянием многих. При этом мысль рассматривается как смысл предложения. Значением же (денотатом) предложения является его истинностное значение – истина или ложь. Согласно Фреге, отношение между мыслью и истинностным значением не подобно отношению между субъектом и предикатом, ибо истинностное значение не может быть частью мысли, оно в буквальном смысле – предмет. Тем не менее в работе «Мысль: логическое исследование» (1918) Фреге явно преддицирует мысли свойство истинности: «<...> мы не можем ни одной вещи приписать какое-либо свойство, не признав одновременно истинной мыслью о том, что данная вещь имеет данное свойство мысли, а именно свойство истинности» [2. С. 54]. Видна явная непоследовательность в рассуждениях Фреге. Если истинностное значение предложения не может быть частью мысли в силу его объективно-предметного статуса, то каким образом мысли может быть приписано свойство истинности? К тому же Фреге так до конца и не проясняет, в каком отношении находятся друг к другу мысль и истинностное значение. Тем не менее, возвращаясь к идее избыточности ис-

тинностного предиката, он без промедления акцентирует внимание на том, что «<...> предложение “Я чувствую запах фиалок” имеет то же содержание, что предложение “Истинно, что я чувствую запах фиалок”. Таким образом, кажется, что приписывание мысли свойства истинности ничего не прибавляет к самой мысли» [2. С. 54]. Однако Фреге тут же замечает: «Вместе с тем это не так: мы склонны говорить о незаурядном успехе в ситуации, когда после долгих колебаний и мучительных поисков исследователь наконец получает право утверждать: “То, что я предполагал, истинно!” Значение слова “истинный”, как уже отмечалось, является в высшей степени своеобразным. Быть может, оно соответствует тому, что в обычном смысле никак не может быть названо свойством?» [2. С. 54]. Из этого пассажа, а также в силу представления о предметности истинностного значения, видно, что Фреге вряд ли счёл бы себя приверженцем концепции избыточности истины. Но очевидно также его сомнение в том, что на поставленный им вопрос может быть дан однозначный ответ. По крайней мере, Фреге находит весьма вероятным, что «содержание слова “истинный” является в высшей степени своеобразным и не поддается определению» [2. С. 52]. Вряд ли такой вывод способен приблизить нас к сколько-нибудь оправданному решению проблемы истины. А действительно ли она существует?

С точки зрения Фрэнка Рамсея, «<...> нет особой проблемы истины, но есть просто лингвистическая путаница» [3. С. 104]. В работе «Факты и пропозиции» (1927) он пишет: «Истина и ложь первично приписываются пропозициям. Пропозиция, которой они приписываются, может быть либо дана эксплицитно, либо описана. Предположим прежде, что она дана эксплицитно; тогда, очевидно, ‘Истинно, что Цезарь был убит’ означает не более чем, что Цезарь был убит, а ‘Ложно, что Цезарь был убит’ означает не более чем, что Цезарь не был убит. Они суть фразы, которые мы иногда используем для выразительности, или по соображениям стилистики, или с тем, чтобы указать позицию, занимаемую высказыванием в нашем доказательстве. Поэтому мы также можем сказать ‘Факт в том, что он был убит’ или ‘То, что он был убит, противоречит факту’» [3. С. 104]. Первичным носителем истинности, согласно Рамсею, является пропозиция (proposition), понимаемая им, наряду с фактом, как объективный фактор (objective factor). Природу этого фактора

он не раскрывает, но противопоставляет его ментальному фактору (*mental factor*), к которому могут быть отнесены ментальное состояние, или слова, или образы в сознании. Аналогией для такого объективного фактора, как пропозиция (или факт) вполне может послужить «*Gedanke*» Фреге, т.е. некоторое объективное содержание мышления. Несмотря на то, что сам Рамсей не проводит подобной аналогии, он ясно дает понять, что первичными носителями истинности должны выступать именно пропозиции (объективные факторы), а не составленные из слов предложения (ментальные факторы). Однако он, в отличие от Фреге, не приписывает пропозициям предметную характеристику истинности, считая, что «истинность и ложность – неразложимые признаки» [3. С. 104].

Такой по преимуществу антиметафизический настрой побуждает Рамсея (в приведенном выше отрывке) говорить о предикатах «истинно» и «ложно» как о *выразительных* средствах, от которых, при желании, можно было бы избавиться. Но, как он сам же и замечает, подобная элиминация вызывает очевидную трудность для высказываний типа «То, что он говорит, истинно». На схожее затруднение ранее указывал Фреге, когда приводил пример исследователя, утверждающего об истинности собственного предположения. Чтобы преодолеть возникающую трудность, Рамсей предлагает выражать подобные высказывания следующим образом: «‘Для всякого *p*, если он утверждает *p*, то *p* – истинно’, тогда мы видим: то, что пропозициональная функция *p* является истинной, есть то же самое, что и *p*» [3. С. 104–105]. Следовательно, выражение «Для всякого *p*, если он утверждает *p*, то *p* – истинно», дабы исключить предикат «истинно», может быть преобразовано в аналогичное ему выражение «Для всякого *p*, если он утверждает *p*, то *p*». Однако подобный парафраз вызывает еще больше трудностей.

Прежде всего, пропозициональная функция *p*, будучи в общем случае определена как «функция, область значений которой состоит исключительно из истинностных значений» [4. С. 33], чтобы быть выполненной, уже должна предполагать в качестве одного из своих значений истину или ложь. Следовательно, элиминация истинностного предиката не решает проблему соотношения пропозиции (или «*Gedanke*» Фреге) и истинностного значения, так же как и вопрос о том, что делает наши высказывания истинными. Кроме того, Алонзо Чёрч, говоря о пропозициональной функции, замечает: «Идея пропозициональной функции как аналога числовой функции математического анализа возникает у Фреге, но термин “пропозициональная” функция изначально принадлежит Расселу. Первоначальное употребление этого термина у Рассела не вполне ясно» [4. С. 32]. Чёрч принимает семантические идеи Фреге, считая вполне оправданным стремление избежать смешения предложений самих по себе с содержанием предложений, «*Gedanke*», перевода его на английский язык термином «*proposition*», «который меньше, чем слово “мысль” <*thought*>, способен вводить в заблуждение» [4. С. 32]. Однако из работы Чёрча (равно как и из текста Рамсея) не совсем очевидна необходимость введения подобного термина, тем более что он фактически отождествляет денотаты (истинностные значе-

ния) предложения и пропозиции. Предложение отличается от пропозиции, по сути, лишь тем, что оно ее выражает. Схожий скепсис в отношении оправданности использования термина «*proposition*» проявлял Альфред Тарский, когда, реализуя логический анализ истинностного предиката, считал «наиболее удобным *применять термин “истинно” к предложениям*» [5. С. 92]. Основанием для такого предпочтения у Тарского служит то, что значение термина «*proposition*» в силу многочисленных споров философов и логиков никогда не будет достаточно ясным и определенным. Еще большее сомнение в целесообразности введения таких самостоятельных абстрактных сущностей, как пропозиций (в качестве значений предложения) выражал Уиллард Куайн: «Как истинные или ложные лучше рассматривать не пропозиции, но случаи употребления предложений <...> Стремление к внелингвистическим носителям истины привходит из-за недооценки того, что предикат истины как раз и имеет целью примирение упоминания лингвистических форм с интересом к объективному миру» [6. С. 31].

Указывая на очевидную трудность в связи с обоснованием введения *p* в качестве имени пропозиции в выражении «Для всякого *p*, если он утверждает *p*, то *p*», тем не менее, допустимо предположить, что *p* может обозначать имя предложения. Но даже при такой интерпретации вхождения *p* следует внимательно присмотреться к структуре анализируемого выражения, из которого видно, что первое *p* занимает позицию имени. Тогда второе и третье *p* также должны занимать именную позицию. В противном случае мы имеем дело с грамматически неправильно построенным выражением. Чтобы оно стало верным, необходимо, по крайней мере, к именной позиции *p* в третьем вхождении вновь ввести предикат «истинно». В таком случае не совсем ясно, каким образом предложенный Рамсеем парафраз помогает нам избежать использования истинностного предиката?

Учитывая эту неясность, Рамсей в другой своей работе [7] предлагает рассматривать второе и третье вхождения переменной *p* в качестве аналога местоимений, как в предложении «Если Петя любит Машу, то он хочет пригласить *ее* на свидание». Тогда второе и третье *p* могли бы рассматриваться как просентенции (*prosentences*), или пропредложения, используемые для анафорической отсылки к первой *p*, обозначающей некоторое предложение. Эта идея была впоследствии принята и развита в так называемой просентенциальной теории истины (*prosentential theory of truth*), видными представителями которой являются Артур Приор [8], Кристофер Вильямс [9] и Дороти Гровер [10]. Согласно этой теории выражение «Для всякого *p*, если он утверждает *p*, то *p*» может быть переформулировано в выражение «Для всякого *p*, если он говорит *t*что, то *t*что», где *p* является именем некоторого предложения, а «*t*что (*tthat*)» – соответствующая этому предложению просентенция. Например, кто-то говорит: «Томск – красивый город». На что другой человек ему отвечает: «Да, это так». Здесь ответ является простым выражением согласия с тем, что было высказано ранее, и, по сути, он эквивалентен утверждению «То, что он говорит, истинно». Следовательно, было бы ошибочным, согласно приверженцам просентенциальной теории ис-

тины, рассматривать данное утверждение с точки зрения его субъектно-предикатной структуры и принимать «истинно» за предикат, выражающий какое-то реальное свойство. В этом случае мы могли бы, например, говорить об истине как разновидности синкатегориматического понятия, которое, в отличие от такого категориматического понятия, как «человек», не имеет собственного значения. «Истинно» само по себе ничего не обозначает, а становится частью осмысленного, значимого выражения благодаря присоединению к нему еще. Так, например, синкатегорема «всякий» не имеет определенного сигнификата (содержания понятия), но в сочетании с понятием «человек» образует то, что выражает всех людей, человечество в целом. Точно так же, по замечанию Пола Вейнгартнера, «понятия 'истинный' и 'истина' относятся к синкатегорематическим терминам, то есть к таким выражениям, которые не имеют своего собственного значения, а только с определенной последовательностью в тех или иных выражениях» [11. С. 25–26]. Когда просентенциалисты настаивают на том, что истина не является подлинным свойством высказываний, по-видимому, здесь имеется в виду то, что истинностный предикат лишен какого-либо самостоятельного значения, т.е. является семантически пустым понятием, в отличие от, например, таких понятий, как «человек», «умный» и др.

Схожей позиции ранее придерживался Питер Стросон [12]. Подобно Рамсею, он считал, что когда делается заявление об истинности чего-либо, например того, что Цезарь был убит, то вряд ли здесь приходится говорить об истине как особом свойстве, приписываемом некоторому утверждению. Скорее, более правильным было бы говорить о том, что в данном случае имеет место одобрение или подтверждение ранее сделанного утверждения. Так, выражение «Это истинно» может быть заменено выражением «Я это поддерживаю». Когда же говорится «Это неистинно», то тем самым выражается несогласие, «Я это не одобряю». Таким образом, истина несет в себе определенный перформативный потенциал, выражаемый в чьих-либо согласиях, одобрениях или подтверждениях, однако сама по себе свойством не является. Тем не менее имеется достаточно большое число случаев, когда истина используется для образования неперформативных высказываний, в которых «истинно» занимает вполне четко выраженную предикативную позицию, как в уже упомянутом выше утверждении «То, что он говорит, истинно». Это вновь возвращает нас к поднятой Рамсеем (и развитой просентенциалистами) проблеме логического анализа структуры такого рода утверждений. Однако, учитывая важность подобного анализа, трудно избавиться от мысли, что мы вынуждены говорить о чьих-либо утверждениях как об истинных или ложных. Критикуя точку зрения «логической избыточности» истины, как она представлена в перформативной концепции Стросона, Джон Остин иронично замечает: «Словами о том, что вы рога носец, можно нанести оскорбление, но одновременно и сделать утверждение, которое истинно или ложно» [13. С. 190].

Главный аргумент в пользу признания логической избыточности истинностного предиката состоит в наглядной эквивалентности выражений «Истинно, что p »

и « p ». Между тем, если кто-то утверждает эту эквивалентность, то он уже должен знать значение предложения « p », или пропозицию, которую это предложение выражает. Необходимость этого, по-видимому, вполне осознавалась Рамсеем, когда он сводил проблему истины к проблеме логического анализа высказывания и выявления условий, при которых оно является истинным. Рамсей пишет: «Вероятно, столь же непосредственно очевидно, что если мы анализируем суждение, то решаем проблему истины, ибо если рассматривать ментальный фактор (который часто и называют суждением), его истинность или ложность зависит только от того, что представляет собой выраженная в суждении пропозиция, а то, что мы должны объяснить, – это смысл выражения, что суждение есть суждение о том, что a находится в отношении R к b , т.е. является истинным, aRb , и ложным в противном случае» [3. С. 105]. Здесь Рамсей определяет условия истинности некоторого суждения, выражающего пропозицию, в качестве фиксации отношения между составляющими его элементами (a и b). Из этого следует, что способность установить такого рода отношение напрямую зависит от знания того, что эти элементы означают. Последнее должно, по мысли Рамсея, составить смысл суждения как условия его истинности. То же самое применимо и к предложениям. Так, например, Альфред Айер пишет: «В каждом случае анализ предложения будет подтверждать наше предположение о том, что вопрос 'Что есть истина?' сводится к вопросу 'Что представляет собой анализ предложения " p – истинна"?'». И ясно, что этот вопрос не ставит реальную проблему, поскольку мы показали, что говорить, что p является истинной, – это просто способ утверждения p » [14. С. 128]. Не вдаваясь в подробности демонстрации равнозначности утверждений « p истинно» и « p » (тем более, что Айер в данном случае во многом следует за Рамсеем), важно отметить, что понимание анализа предложения как выявления условий его истинности восходит к Фреге. «Когда мы называем предложение истинным, мы имеем в виду, собственно, его смысл. Отсюда следует, что та область, в которой применимо понятие истины – это смысл предложения» [2. С. 53]. Фреге отождествляет смысл предложения и мысль (или пропозицию), которую оно выражает. Значением же предложения является его истинностное значение (истина или ложь). Во многом благодаря именно этой концепции Людвиг Витгенштейн впоследствии ввёл то, что сегодня принято называть таблично-истинностным способом описания логических связей и связываемых элементарных предложений. В «Логико-философском трактате» Витгенштейн явно связывает условия, при которых предложение является истинным, со смыслом этого предложения: «(4.063). <...> чтобы можно было сказать, что " p " истинно (или ложно), я должен определить, при каких обстоятельствах я называю " p " истинным, и тем самым я определяю смысл предложения» [15. С. 86]. В чём же трудность такого определения смысла предложений?

Трудность в том, что, как отмечает Майкл Даммит, проблематично придерживаться теории избыточности и вместе с тем утверждать, что благодаря анализу утверждений мы способны успешно решать вопрос об их

истинности. «Но для того, чтобы кто-нибудь извлек из объяснения, что *P* является истинным в таких-то и таких-то условиях понимание смысла *P*, он должен уже знать, что значит сказать о *P*, что оно истинно. Если ему скажут, что единственным объяснением является следующее: сказать, что *P* является истинным, есть то же самое, что утверждать *P*, поэтому для того, чтобы понять, что имеется в виду, когда говорится, что *P* является истинным, он должен уже знать смысл утверждения *P*, то есть именно то, что предполагалось ему объяснить» [16. С. 198]. Даммит делает вывод о том, что теория избыточности истины несовместима с анализом смысла предложения в терминах условий истинности. Более того, подобный анализ не способен объяснить смысл предложения, поскольку чтобы определить условия истинности предложения, мы уже должны знать его смысл. Получается порочный круг. Это существенное замечание Даммита приводит к тому, что таблично-истинностное объяснение слов «истинный» и «ложный» может оказаться довольно неудовлетворительным. Поэтому «<...> мы должны оставить привычную нам идею, что понятия истины и лжи играют существенную роль в любом истолковании смысла утверждений в целом или же смысла конкретного утверждения» [16. С. 198]. Даммит сравнивает истину и

ложь с победой и проигрышем в игре. Описывать игру исключительно по ее результату – означает упускать существенный момент, состоящий в том, что игра затевается ради победы. Точно так же утверждения делаются для того, чтобы стать истинными. В этом случае, развивая аналогию с игрой, мы также оказываемся в ситуации, когда «играть» и «играть, чтобы победить» являются эквивалентными. Следовательно, «победа» («выигрыш») может показаться избыточным понятием. Однако, как и в случае с истиной, это не означает, что мы не имеем понятия о том, что такое выигрыш.

Приверженцы теории избыточности истины правы в том, что делать утверждение и приписывать ему истинность является одним и тем же. Но из этого неправомерно заключать, что «истинно» является логически избыточным понятием. Истина является центральным понятием в логике хотя бы потому, что именно из *истинных* посылок, в соответствии с дедуктивными законами, выводятся *истинные* заключения. Конечно, можно было бы сомневаться в оправданности процедуры логического вывода и, как следствие, в оправданности использования истинностного предиката. Тем не менее, для того чтобы дальнейшее обсуждение вообще имело какой-либо смысл, необходимо признать, что, делая утверждение, так или иначе мы стремимся констатировать его истинность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фреге Г. Смысл и значение // Фреге Г. Избранные работы / Пер. с нем. В.В. Анашвили, В.А. Куренного, А.Л. Никифорова, В.А. Плунгяна; Сост. В.В. Анашвили и А.Л. Никифорова. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1997.
2. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Фреге Г. Избранные работы / Пер. с нем. В.В. Анашвили, В.А. Куренного, А.Л. Никифорова, В.А. Плунгяна; Сост. В.В. Анашвили и А.Л. Никифорова. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1997.
3. Рамсей Ф.П. Факты и пропозиции // Рамсей Ф.П. Философские работы / Пер. В.А. Суровцева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003.
4. Чёрч А. Введение в математическую логику / Пер. В.С. Чернявского; Под ред. В.А. Успенского. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.
5. Тарский А. Семантическая концепция истины и основания семантики / Пер. А.Л. Никифорова // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998.
6. Куайн У.В.О. Философия логики / Пер. В.А. Суровцева. М.: Канон⁺; Реабилитация, 2008.
7. Ramsey F.P. On Truth / Ed. N. Rescher and U. Majer. Dordrecht: Kluwer, 1991.
8. Prior A.N. Objects of Thought. Oxford: Clarendon Press, 1971.
9. Williams C.J.F. What is Truth? Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
10. Grover D. A Prosentential Theory of Truth. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1992.
11. Вейнгартнер П. Фундаментальные проблемы теорий истины / Пер. с англ. В.А. Бажанова и др. М.: РОССПЭН, 2005.
12. Strawson P. Truth // Analysis. 1949. Vol. 9, № 6.
13. Остин Дж. Истина // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) / Пер. с англ., нем.; Под общ. ред. А.Ф. Грязнова. М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998.
14. Айер А.Дж. Язык, истина и логика / Пер. с англ. В.А. Суровцева, Н.А. Тарабанова; Под общ. ред. В.А. Суровцева. М.: Канон⁺; Реабилитация, 2010.
15. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с англ., нем.; Под ред. И.С. Добронравова и др. М.: Канон⁺; Реабилитация, 2008.
16. Даммит М. Истина // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) / Пер. с англ., нем.; Под общ. ред. А.Ф. Грязнова. М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 26 ноября 2009 г.